

МОЖЕТ БЫТЬ, МЫ НЕ ВСЕ ЗНАЕМ ПРО НАШУ ЦЕРКОВЬ?

В интернете появляется всё больше материалов, ставящих проблему перевода богослужения

Вспоминая непростую историю перевода Библии на русский язык, священник Андрей Кордошкин, автор статьи «Святитель Филарет как апологет русского языка» (сайт газеты «Татьянин день», 3 декабря 2010 г.), замечает: «Знакомство с обстоятельствами эпохи подтверждает, что ситуация вокруг перевода Библии на русский язык является по своей сути зеркальной по отношению к современному вопросу о языке богослужения. Аргументы меняются, но вопрос, по сути, один: должна ли Церковь предпринять усилие, чтобы донести до людей Божье слово на родном для них языке, или же сами люди, овладевая «священным языком», должны познавать учение Церкви?»

Сегодня набор аргументов против введения в богослужение русского языка представляется довольно стандартным. Церковнославянский язык признается священным в отличие от русского, которому отводится лишь функция бытового общения. Согласно этой теории русский язык огрубел и не может передать всех тонкостей богослужебного языка.

Конечно, встает вопрос о понимании богослужения, но и здесь готов ответ. Сознательное участие в богослужении и понимание совершаемых молитв вообще не является приоритетом. В частности, преподаватель Одесской Духовной семинарии и член Богословско-канонической комиссии (!!!) при Священном Синоде УПЦ МП прот. Георгий Городенцев пишет: «...святые считали полезным для своей души чтение именно малопонятного церковнославянского текста, а не понятного русского. Почему? Потому что чтение Псалтири имеет не познавательное, а духовное значение, в этом состоит ее душеполезность ... у меня есть сильные подозрения, что после перевода богослужения (в том числе и богослужебной Псалтири) на русский язык так, чтобы ее стали досконально понимать мы, ее перестанут «понимать» бесы, соответственно они перестанут от этого чтения и трепетать со всеми вытекающими отсюда последствиями». Посему, по мнению богослова, задача православного человека сводится лишь к усердному изучению славянского языка, а о переводе стоит забыть вовсе. Таким образом, развлечение обитателей infernalного мира объявляется задачей куда более важной, чем понимание богослужения и сознательное в нем участие.

Обратимся к истории. Киевский святитель Филарет (Амфитеатров) был одним из самых категоричных противников перевода богослужения на русский язык. В частности, он писал обер-прокурору Священного Синода А.П. Толстому: «...русское наречие не может передать Священного писания со всею тою силою и верностью, какими отличается перевод славянский <...> Надобность состоит не в переводе Библии на русский язык, а в прилежном изучении славянского языка <...> Мысль о переводе Священного писания на русское наречие ... родилась отнюдь не в церкви русской, но в Англии, гнездилище всех ересей, сект и революций <...> к нам вторгаются иностранцы со своим изданием Библии на русском языке ... против такого незаконного вторжения нужно принять меры правительства». Вывод прост: следует «оставить навсегда неприкосновенным основной текст славянского перевода ... как освященный древностью и преданный нам от святых славянских апостолов — Мефодия и Кирилла».

Имена Кирилла и Мефодия заслуживают особенного внимания. Киевский святитель видит их своими союзниками, однако очевидно, что дело Кирилла и Мефодия продолжает именно святитель Московский. Аргумент, основанный на теории «священного языка», направлялся не только против святителя Филарета, но и против самих Кирилла и Мефодия. Отрицание теории «священного языка» и есть то, что заставляет Кирилла нести свет просвещения, переводя Писание и богослужение на славянский язык. В ответ на возражения моравских епископов Кирилл отвечал: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для

всех солнце, не равно ли все мы дышаем воздухом? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? ... Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие», цитируя слова апостола Павла: «в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14.19).

Очевидно, что вопрос частичного или полного перевода богослужения на русский язык есть вопрос целесообразности, а не принципиальной возможности — как в случае с переводом Священного Писания, так и в случае с переводом богослужебного текста. Сам святитель Филарет, возражая своему киевскому тезке, писал: «1) Русское наречие обладает обилием славянского, и присовокупляет к нему свое обилие. 2) Языки менее обильные, нежели русский, выдерживают удовлетворительное переложение Священного Писания». Нет никакого внятного богословского аргумента, в согласии с которым в храме может звучать японский или алеутский язык, но не может звучать русский. Профессор Осипов полагает, что церковнославянский язык — это стиль «барокко», а современный русский язык — стиль «баракко». Можно ли согласиться с этим тезисом? Действительно ли язык наших современников Бориса Пастернака и Арсения Тарковского — это стиль «баракко»? С одной стороны, это прекрасные переводы гимнов прп. Симеона Нового Божьего слова на вполне современный русский язык, выполненные митрополитом Волоколамским Иларионом, с другой — «церковная» «поп-музыка» типа «православие-благоухание». Согласимся с другим московским профессором — «Русский язык не деградирует, а, как всякий другой язык, изменяется. Деградируют люди, говорящие порусски». А одушевляется язык молитвой.

Благодаря святителю Филарету мы имеем возможность чтения Библии по-русски; кто знает, если бы он не стал вдохновителем перевода, была бы у нас такая возможность? Едва ли бы кто-то взялся за этот труд в советскую эпоху. Мы благодарны ему за труд, но что мы сами оставим потомкам, кроме успехов в искусстве консервации?

Я не сторонник мгновенного и полного перевода богослужения на русский язык; это было бы катастрофой. Дело даже не в том, что мы не готовы к частичному переводу или редакции церковнославянского богослужения на русский язык. Время лишь отбросило нас назад; если в XIX веке спокойная дискуссия на тему о переводе Писания — для той эпохи тему революционную! — была возможна среди членов Синода, нынешний уровень культуры общения (а зачастую и богословской грамотности) в Церкви таков, что мы не готовы даже к спокойному общецерковному обсуждению темы перевода богослужения без раздачи ярлыков «обновленцев» и «кочетковцев». На словах мы почитаем святых просветителей Кирилла и Мефодия, а также святителя Филарета Московского, однако по складу ума мы гораздо ближе к их противникам, чем к ним самим.

«Арфа Филарета» сдана в архив, пылится на полке, ожидает лучших времен».

Тему богослужебных переводов затрагивает в своем интервью Татьяна Фалиной, опубликованном «Нижегородскими епархиальными ведомостями» № 21 (186) за 2010 год и сайтом Нижегородской епархии, архиепископ Ионафан (Елецких):

«— Сегодня много спорят о переводах богослужений с церковнославянского на русский язык. Каково Ваше мнение по этому поводу?»

— В храмах Московского Патриархата, расположенных в других странах, такой проблемы нет, ибо там церковнославянский — неродной. Церковь же всегда благословляла совершение богослужения на родном языке. Апостолы восхваляли Христа

после Пятидесятницы на разных языках. И сейчас в Эстонии служат на эстонском, в Финляндии — на финском, в Болгарии и Сербии, параллельно со службами на церковнославянском, служат на родном языке. В Польше недавно издали служебник на польском, а в Японии богослужения совершаются по переводам, которые сделал еще святитель Николай Японский.

На Украине ситуация особая — там, например, во многих приходах служат на украинском языке. Такая необходимость возникла в связи с появлением большого числа верующих, вернувшихся из «Филаретовского» раскола. За 20 лет раскола выросло целое поколение людей, которые привыкли слышать службу на родном языке, и они просят, чтобы так и продолжалось. Поэтому Украинская православная церковь Московского Патриархата сейчас работает над текстами богослужений на украинском. Но в России нет приходов, где служили бы на русском языке.

— Почему для России перевод богослужений стал такой большой проблемой?

— Существует мнение, что качественно перевести на современный русский язык церковнославянские тексты невозможно. В целом это правильная позиция. Заметьте себе: даже при переводе богослужения с греческого некоторые фразы были оставлены без перевода, поскольку не нашлось подходящего аналога. Но все же этот вопрос разрешим. Просто переводы, которые появились до революции, были добросовестными, но очень академичными. Такие переводы страдают сухостью. А ведь богослужебные тексты — не просто сухие нормы «Символа Веры», это высокая поэзия, которая теряется при неудачном переводе».

Обсуждается тема переводов и в пространных блогах. Вот одна из записей:

«На столе протоиерея. 25 ноября, 12:56

Вчера зашла в гости к одному знакомому протоиерею. На месте его не оказалось, по привычке взяла посмотреть книгу на его столе (у него обычно на столе от 50 до 80 книжек разного периода выпуска от 16 в. до наших дней, форма миссии такая, каждый может увидеть что-то по своему вкусу). Ну вот любопытствую в ожидании. И что вижу. Книжка про особенности приходской жизни какого-то прихода одного из поселков нашей области. Во-первых, удивила сама постановка темы, что в приходах могут быть особенности! Любопытствую дальше и открываю главу про общинную жизнь. И вижу общее правило общины этого прихода:

Обратите внимание на п. 4. Перевод с церковнославянского и осмысление с обсуждением о прочитанном. Т.е. в правиле общины деревенского храма перевод зачала из Писания с церковнославянского на русский и обсуждение прочитанного — ежедневно! и совместно! Вот кто после этого сможет сказать, что народ не хочет понимать богослужение и поэтому жаждет слышать, как минимум Писание, на родном РУССКОМ языке? Но поскольку на богослужении такое новшество опасно, то принимается вечернее правило общины с чтением по-русски (а как еще понимать перевод Писания, не заново же переводить в глухой уральской деревне) с осмыслением и обсуждением.

И еще один интересный момент из этой же книги. Автор, описывая особенности местной общины, сообщает, что все они укладываются в русло общинного движения (курсив мой), набирающего силу в нашей церкви. Вот я и думаю, может, мы не все знаем про нашу церковь?»

До последнего времени подавляющее большинство публикаций, касавшихся перевода богослужения, уходило от серьезной постановки вопроса и его обсуждения. Постоянно приходилось сталкиваться с аргументацией в жанре «церковнославянский язык является сакральным» и т.п. И то, что в самых разных изданиях стали появляться статьи, призывающие к нормальной дискуссии и по этому вопросу церковной жизни, не может не радовать.

Обзор подготовил Иван Петров

Говорить на языке друг друга — это прекрасно и очень важно

Рассказывает протоиерей Александр Виноградский, окормляющий славянско-ивритоговорящих в Иерусалимском Патриархате

В нашем храме принято служить на иврите. Я всегда, с самого первого дня служил и служу на еврейском языке. Меня и отправили сюда для того, чтобы это делать. Греки сначала думали, что я читаю какие-то тайные еврейские молитвы. Но т.к. у всех существует текст на иврите, они в конце концов признали, что это именно православное богослужение на иврите. Ещё в богослужении у нас используется арабский, румынский, сербский, украинский, и, конечно, церковнославянский. На анафоре у нас три языка: обычно хор поет на иврите, и я освящаю Св. Хлеб на иврите, Чашу на украинском, а «Преложив Духом Своим святым» произносится по-славянски. После освящения даров я продолжаю всё читать по-русски по переводам о. Георгия Кочеткова. В Иерусалиме есть люди, которые абсолютно этого не принимают — они всерьез считают, что если служат не по-славянски, то это безбожная литургия. Я же считаю, что можно служить и на латыни. Кроме того, что-то в литургии у нас всегда будет по-гречески. По-славянски все поют «Верую», а «Отче наш» мы поём дважды — сначала по-церковнославянски, потом на иврите.

Конечно, основной язык богослужения зависит и от того, кто придёт, от праздника. Так, на День независимости Украины приходят украинцы из посольства, есть панихида, есть молебен на украинском. Я пока единственный священник, который это делает. Я ярый еврей, украинцы убили мою семью, но я им прощаю. Почему я служу на их языке? Или почему я прекрасно говорю по-немецки? Ведь я потерял 400 человек своих родных во время войны. Моя мама чуть не погибла в концлагере. И когда она вышла из него, она сказала: «Мой сын будет прекрасно говорить по-немецки». Потому что наше поколение — это поколение покаяния и общей встречи. И говорить на языке друг друга — это прекрасно и очень важно, в этом выражается отпущение грехов и прощение. А их надо выражать, надо показывать, чтобы они были действенными, а не искусственными. Так должен быть действителен призыв «Возлюбим друг друга!», который я возглашаю в алтаре.

ПСАЛТИРЬ ЕВРЕЙСКАЯ, ГРЕЧЕСКАЯ, СЛАВЯНСКАЯ И РУССКАЯ

9 ноября 2010 года в СФИ была прочитана лекция М.Г. Селезнева «Псалтирь еврейская, греческая, славянская и русская».

На лекцию известного библеиста и библейского переводчика собрались студенты СФИ и учащиеся богословского колледжа при нем, а также выпускники и преподаватели института и колледжа.

Псалтирь — самая известная и самая «христианская» из книг Ветхого Завета. Тем не менее, как стало ясно в ходе лекции, она представляет собой одну сплошную загадку. Или вернее, одну большую загадку, внутри которой спрятано много загадок поменьше.

Например, неясно, кого следует считать автором псалмов. То есть понятно, что у всех текстов Священного Писания есть один Автор: все они богодухновенны. Ясно также, что псалмы традиционно связываются с именем иудейского царя Давида, время правления которого, насколько мы можем судить сегодня, приходится примерно на 1010—970 гг. до н.э. Но в Псалтири еврейской его именем надписаны 73 псалма, в греческой версии, или Септуагинте, — уже 85, в славянской Псалтири — и того больше. Мы видим, как усиливается тенденция — приписывать псалмы Давиду. Но не потому, что в древности были убеждены, что все псалмы, от первой до последней строчки, написаны тою же рукою, что около 1000 г. до н.э. сжимала меч Голиафа или царский скипетр. Просто, по выражению С.С. Аверинцева, чтимое имя ручалось за чтимый текст, и в этом был смысл авторства в древности. С другой стороны, загадочно и само надписание «псалом Давида». Ведь псалом в сочетании с именем Давид и еврейским предлогом *le* означает не только псалом Давида, но и псалом Давиду, о Давиде, из жизни Давида, входящий в сборник о Давиде и т.д.

Отсюда и следующая загадка: когда родился и оформился сборник псалмов? Некоторые образы некоторых псалмов переносят нас в седую, мало представимую древность. Так, образ ГОСПОДА — Яхве, восседающего на облаках, созвучен образу угаритского бога грозы, о котором говорят нам открытые археологами тексты богатой языческой литературы Угарита XIV в. до н.э. Псалом 137 (136) «На реках Вавилонских...» относит нас ко временам вавилонского плена или возвращения из него, т.е. к VI в. до н.э. Некоторые другие псалмы, по теории Бернарда Дума, выдвинутой впервые в конце XIX в., позже позабытой и ныне вновь нашедшей много сторонников, следует датировать не ранее, чем временем Маккавеев, т.е. II в. до н.э. В любом случае, псалом представляет собой, как выразился М.Г. Селезнев, что-то вроде снежного кома. Действительно, у него есть древнее ядро и множество налипших на него слоев — разных традиций разного времени.

Сами слова Псалтирь, псалом также представляют собой загадку.

Еврейское слово *mišmor*, означающее псалом, употребляется только для обозначения отдельного поэтического произведения внутри сборника Псалтири и ни в каких других контекстах в Библии не встречается. Таким образом, псалом по-еврейски означает псалом, и только. Однако корень этого слова есть в глаголе, значение которого — во-первых, подрезать, отщипывать виноградные ветви, а во-вторых, — играть на музыкальных инструментах, петь в сопровождении музыкальных инструментов.

Греческое слово псалом происходит от глагола *psallo*. У этого глагола также два значения: во-первых, щипать, дергать, во-вторых, перебирать струны музыкального инструмента. Тут интересно то, что в двух традициях, вполне независимо друг от друга, семантическое развитие шло сходным образом. Еще интереснее, что обе традиции, как это следует из названия

жанра, подчеркивают, что речь идет о пении, сопровождавшемся игрой на музыкальных инструментах.

Таким образом, псалмы в древности не просто читались. Более того, о них нельзя сказать, что они полупелись-получитались или читались нараспев, как это стало нормой в Средневековье. Они именно пелись, причем под музыку каких-то струнных (шипковых) инструментов, о которых мы мало что знаем и потому называем лирой, арфой, псалтирью и разными другими более или менее понятными нам словами. Особые акцентные значки в текстах еврейской Псалтири (кантилляция) свидетельствуют об особой, очень интенсивной и разнообразной голосовой модуляции при исполнении псалмов. Непонятные нам надписания некоторых псалмов, типа: «на мотив ха-гиттит», которые в синодальном тексте переводятся еще более непонятным «на Гефском орудии» (Пс 8), также представляют собой музыкальные пометы. Возможно, это что-то вроде богослужебных указаний в православной традиции, помогающих исполнить соответствующий текст на соответствующий мотив: подобен... (и далее название песнопения-образца, по которому следует петь). Как отметил М.Г. Селезнев, к большому нашему сожалению, музыка и нотная грамота Древнего Израиля остаются и, видимо, навсегда останутся для нас неразгаданной тайной.

Тем более радостно, когда удастся если не разгадать загадку, то хотя бы ощутить единство традиций, казалось бы, непоправимо разделенных временем, пространством и разным религиозным содержанием.

Так, оказалось, что помета *sela* в еврейской Псалтири, видимо, обозначавшая паузу с особым музыкальным проигрышем в особо патетических местах псалма, своего рода благословение в важнейший момент богослужения, похоже, типологически соответствует возгласу «Слава, и ныне...» по окончании кафизмы при чтении славянской Псалтири. Косвенно это подтверждается тем, что на рубеже эр,

не зная уже музыкального содержания этого термина, но все же находясь ближе к тем далеким временам, *sela* переводили как «всегда» или «навсегда».

Итак, псалмы пелись на какие-то нам теперь неведомые мелодии (хотя делались и продолжают делаться попытки переложить знаки кантилляции на нашу нотную грамоту). Однако самые древние библейские песни сопровождалась не только пением под музыкальные инструменты, но и танцем. Об этом свидетельствует, например, Песнь Мариамы (Исх 15:20—21), а также описание перенесения ковчега Завета в Иерусалим (2 Цар 6:12—15). В этом последнем случае царь Давид, одетый в священнический льняной ефод, плясал и «скакал из всей силы пред Господом» (6:14), говоря: «Пред Господом играть и плясать буду...» (6:21б). Этим Давид заслужил суровую отповедь со стороны своей жены Мелхолы, посчитавшей, что плясать пристало какому-нибудь оборванцу, но никак не царю в присутствии подданных (6:20). Писание остается на стороне Давида, а Мелхолу ожидает заслуженное наказание (6:23).

Однако фарисеи отрицательно относились к использованию музыкальных инструментов за богослужением. Не использовала их и раннехристианская Церковь. Ни иудеи средневековой Европы, ни христиане Византии под музыку псалмы, по всей видимости, уже не исполняли. В России чтение псалмов превратилось в нечто сугубо монотонное и тягучее. Псаломщик, он же пономарь, читал (и читает) богослужебные тексты (а Псалтирь, как известно, традиционно составляет их основную часть) на одной ноте, что и заставляет грибоедовского Фамусова энергично приказывать слуге Петрушке: «Читай не так, как пономарь — а с чувством, с толком, с расстановкой!» Как выразился М.Г. Селезнев, дальнейшая история отнеслась к песнопениям под музыку и танцам так же, как Мелхола к пляскам Давида; пляски прекратились.

За сегодняшним русским православным богослужением псалмы практиче-

ски всегда читаются, а не поются. Но можно ли сказать, что пение псалмов окончательно прекратилось? Собравшиеся студенты и преподаватели немедленно опровергли этот возможный печальный вывод, с воодушевлением спев несколько псалмов в переводе акад. С.С. Аверинцева на гласовые и синагогальный распевы.

Климат в Палестине крайне неблагоприятен для сохранения древних рукописей: редкие, но обильные дожди приводят к тому, что и папирусы, и кожаные свитки сгнивают в отличие, скажем, от папирусов в Египте. Там даже выброшенные за ветхостью — хотя и поддающиеся чтению — манускрипты тысячелетиями как будто только и ожидали своего исследователя, как это было с рукописями Каирской генизы. В Палестине было не так. И совершенно не случайно, что самое большое собрание наиболее древних библейских рукописей, в том числе рекордное количество списков Псалтири, дошло до нас из Кумрана, сказал М.Г. Селезнев. Кумранские находки — это библиотека, принадлежавшая общине. Только живая традиция могла сохранить эти библейские тексты. Только живая община, члены которой лелеяли их, переписывали, читали, давали собственные комментарии к ним, могла донести их до нас.

Собравшиеся в часовне СФИ ощутили себя в этот момент преемниками древнейшей, но живой традиции псалмопения. Этому способствовало и то, что М.Г. Селезнев прочел несколько псалмов в собственном переводе, который в скором времени должен выйти в РБО. Некоторые вроде бы знакомые всем строчки прозвучали совершенно незнакомо: их стиль мало походил на возвышенно-туманный язык Синодального перевода. Переводчику во многом удалось передать боль, отчаяние, владевшие древними авторами псалмов, равно как и их бурную радость и горячую благодарность Господу.

В истории народа Божьего не раз бывали времена, когда Писание как будто отдалялось от человека. Времена сугубо зла и греха, мрака и неверия. Но их постоянно сменяли периоды, когда какой-нибудь благочестивый царь чуть ли не случайно находил в тайниках Храма и прочитывал книгу Закона и спешил поделиться открывшимся ему со всем народом. Так было с Иосией, знаменитым царем VII века (4 Цар 22). Другой угодный Богу иудейский царь, Иосафат, живший уже гораздо позже, также начал с того, что «отменил высоты и дубравы», т.е. запретил поклонение языческим идолам, а затем отправил своих князей, левитов и священников, «чтобы учили по городам иудиным народ... И они учили в Иудее, имея с собой книгу Закона Господня; и обходили все города Иудеи, и учили народ» (2 Пар 17:7—9). По многим и разнообразным причинам для сегодняшнего российского православного христианина Писание вновь представляет собой книгу за семью печатями, хотя и не спрятанную в тайниках, а наоборот, открыто лежащую на всех церковных прилавках. Это особенно касается Ветхого Завета. Нужны специальные собственные усилия к тому, чтобы заново обрести для себя эту Книгу и понять ее язык. Причем, как всякий язык, язык Писания не выучивается однажды и навсегда: без практики и постоянного углубления в Слово Божье мы рискуем совершенно утратить то, что многие из нас однажды вроде бы приобрели на оглашении. Наконец, остается народ «по городам иудиным» нашей бывшей Святой Руси. Как и народ Божий в Иудее, он ждет своих «князей, священников и левитов», «имеющих с собой Книгу» и способных со смирением и дерзновением научить ей.

Ольга Сушкова

Царь, пророк и псаломпевец Давид.
Акваверель Елизаветы Кузьминой-Караваевой, 1913-1917 гг.